

Социогуманитарное знание на распутье: истина, власть или бизнес?

И.Б. Орлов, доктор исторических наук

Развитие современного научного знания демонстрирует две противоположных, на первый взгляд, тенденции. С одной стороны, усиливается специализация различных научных дисциплин, а с другой стороны, очевидны отказ от дисциплинарной «чистоты» и стремление к новому научному синтезу.

При этом каждое новое направление приходит под лозунгом «большей научности» в объяснении тех или иных явлений природы и общества. Еще более сложную картину создает активное проникновение в сферу гуманитарного знания инструментария точных наук, вызывающее у ряда ученых опасения, что ценой обретения гуманитарными науками прикладного характера станет потеря их гуманитарности.

Кроме того, идет и процесс гуманитаризации естественного знания: например, проникновение в физику идей герменевтики или формирование биоэтики¹ — науки о нравственной стороне жизнедеятельности, призванной перекинуть мост между точными и гуманитарными науками, соединить знание и мышление, разум, интуицию и эмпирический опыт для выживания человечества и для улучшения условий его жизни².

История науки свидетельствует о том, что не существует единого для всех отраслей научного знания вектора развития. С одной стороны, их подчиняется некой внутренней логике, а с другой, — разные науки реагирует на собственные внешние стимулы. Например, для технических наук основным стимулом выступает производство, для естественных — базовые

¹ Термин был впервые предложен американским онкологом-исследователем В.Р. Поттером в 1969 г.

² Социология: Энциклопедия / Сост. А.А. Грицанов, В.Л. Абушенко, Г.М. Евелькин, Г.Н. Соколова, О.В. Терещенко. Мн., 2003.

потребности человечества, для общественных — социальные проблемы, а для гуманитарных — познание человека³. В этом плане интересен опыт исторической науки, чья профессионализация в конце XIX — начале XX вв. и дисциплинарный суверенитет сопровождались падением общественного престижа и, в силу этого, интереса со стороны власти предрержащих⁴. А ведь совсем недавно ни одно идейное направление или движение не обходились без «своей» истории.

На сегодня очевидны, по меньшей мере, четыре пути приобретения гуманитарным знанием прикладных характеристик: специфическая институционализация и сциентизация гуманитарной сферы, междисциплинарные связи и усиление идеологической составляющей. В современном кризисном состоянии российского общества срабатывает некий «закон», диктующий спрос на социогуманитарное знание⁵, более подверженное идеологизации и находящееся в большей зависимости от политического режима. Основными причинами «расцвета»⁶ подобных дисциплин стали востребованность социогуманитарного образования, культ политики, обслуживание бизнеса и спрос на гуманитариев как экспертов в решении социальных проблем. И это притом, что в «Основах политики Российской Федерации в области развития науки и технологий на период до 2010 г. и дальнейшую перспективу», отражающих государственную стратегию развития науки, о социогуманитарных дисциплинах сказано лишь одна фраза⁷.

³ Подробнее по этому вопросу см.: Юревич А.В. Социогуманитарная наука в современной России: адаптация к социальному контексту. М., 2004.

⁴ Савельева И.М., Полетаев А.В. Функции истории. М., 2003. С. 8–10.

⁵ Под этим термином понимается комплекс социальных и гуманитарных наук.

⁶ На самом деле очевиден внутренний кризис социальных и гуманитарных наук: скрывающаяся за издательским бумом инфляция содержательных идей и очевидная девальвация диссертационных исследований. В частности, в подавляющей массе работ по истории практическая значимость сводится к возможности использования материалов диссертации в учебных целях и при подготовке монографии. То есть один бумажный результат сменяется другим.

⁷ Поиск. 2002. № 16. 19 апреля.

Тем не менее, отечественная социогуманитарная наука, все больше превращающаяся в механизм трансляции знания, произведенного зарубежной наукой, в нашу социальную практику, демонстрирует весьма успешную адаптацию к рыночной экономике. Причем, этому открыто пытаются придать идеологическое обоснование, заявляя, что наступивший век будет «веком гуманитарной науки»⁸. Навстречу этому призыву семимильными шагами пошли отечественные политики и бизнес. Но взаимодействие первых с наукой строится на основе потребительского принципа «наука для политики»⁹, сводящего полезность той или иной науки к возможностям улучшения политического имиджа власти. Тогда как развитие общества и его благосостояние остаются «за кадром» в силу отсутствия политического заказа. Очевиден дефицит политиков, способных не только услышать идеи гуманитариев, но и конвертировать их в политические решения.

По аналогичной схеме строятся и отношения между социогуманитарной наукой и бизнесом, ждущего от ученых-гуманитариев оправдания криминального характера современного российского предпринимательства и позиционирования последнего в качестве «неизбежного и единственно возможного» варианта развития экономики страны.

Сегодня социогуманитарная наука не выполняет свою «технологическую» функцию (создание политических и социальных технологий), сузившись до «экспертного» уровня. Однако и здесь научная экспертиза сведена до уровня «малых дел». Тогда как от социогуманитарного знания ожидается не внедрение западных рецептов на российскую почву, а разработка оригинальных, опирающихся на анализ современных социально-экономических и политических реалий России концепций и практических программ выхода из кризиса.

⁸ Степин В.С. Эпоха перемен и сценарии будущего. М., 1996.

⁹ Этот принцип для исторического знания в свое время декларировал известный немецкий историк А. Шлецер: «История без политики — это просто монашеские хроники».